

УДК 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-4

Пенской В. В.

«Лоскутная» монархия последних Рюриковичей:
власть, обычай, право

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Раннее Новое время – эпоха, когда рыхлые и неконсолидированные средневековые государства постепенно трансформировались в раннемодерные. Эти новые политические образования принято по устоявшейся традиции именовать «централизованными». Однако были ли эти государства раннего Нового времени действительно централизованными? Автор статьи предлагает свой ответ на этот вопрос, и этот ответ на первый взгляд может показаться парадоксальным и неожиданным. Опираясь на анализ сохранившихся свидетельств, летописных и почерпнутых из актовых материалов, автор показывает на примере Русского государства XV–XVI вв., что сам по себе процесс централизации носил сложный и противоречивый характер и политическая реальность была порой весьма далека от «многошумящих» политических деклараций. В раннем Новом времени Русское государство представляло собой государство «лоскутное», составленное из территорий с разным уровнем экономического, политического и культурно-религиозного развития, со своими своеобразными местными обычаями и традициями.

Ключевые слова: Раннее Новое время; государство; право; политика; обычай; централизованное государство; Русское государство; Рюриковичи

Для цитирования: Пенской В.В. «Лоскутная» монархия последних Рюриковичей: власть, обычай, право // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 2. С. 37-54. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-4

V. V. Pensky

The "patchwork" monarchy of the last Rurikovichs:
power, custom, law

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract: The Early Modern is an era when loose and unconsolidated medieval states gradually transformed into early modern ones. These new political formations are traditionally called "centralized". However, were these early modern states really centralized? The author of the article offers his own answer to this question, and, at first glance, this answer may seem paradoxical and unexpected. Based on an analysis of the surviving evidence, annalistic and gleaned from act materials, the author shows on the example of the Russian state of the 15th-16th centuries that the centralization process itself was complex and contradictory, and political reality was sometimes very far from the "noisy" political declarations. In the early modern times, the Russian state was a

“patchwork” state, made up of territories with different levels of economic, political, cultural and religious development, with its own peculiar local customs and traditions.

Key words: Early Modern; state; law; politics; custom; centralized state; Russian state; Rurikovichi

For citation: Penskoj V. V. (2023), “The ‘patchwork’ monarchy of the last Rurikovichs: power, custom, law”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (2), 37-54, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-4

Касаясь проблем образования и развития Русского государства в позднем Средневековье – раннем Новом времени, несколько лет назад санкт-петербургский историк А.И. Филюшкин писал, что «в российской историографии возникновение Московии осмыслялось через концепцию Русского единого (централизованного) государства (далее – РЦГ). Она господствовала в трудах историков XIX-XX вв., и попытки ее ревизии в последние годы, несмотря на пересмотр трактовок целого ряда событий, пока не привели к корректировке формулы К.В. Базилевича. Согласно этой формуле, РЦГ характеризовалось наличием центральных органов управления, которым подконтрольна вся территория страны; развитием общегосударственного законодательства; ликвидацией частных иммунитетных прав; единой организацией военных сил. При этом, подчеркивал историк, «несмотря на общепризнанность концепции РЦГ, в отечественной науке так и не было дано четкого определения, что же из себя представляло единое Русское государство в институциональном плане. Попытки решения этой проблемы предпринимались в основном в историко-правовой сфере, где ученые оперировали терминами “монархия”, “абсолютная монархия”, “сословно-представительная монархия”. Что же касается организации государственного тела России XV-XVI вв., то авторы полагали, что определения “единое” или “централизованное” вполне достаточно. Под этим понималось прежде всего государство, унифицированное в административном и институциональном плане, хотя историки тут

же делали массу оговорок о “недоразвитости” того или иного института...” (Филюшкин, 2005: 5).

«Государство, унифицированное в административном и институциональном плане», пусть и с оговорками – таким предстает перед нами в трудах отечественных и зарубежных историков Русское государство, сложившееся во второй половине XV века в северо-восточной части Русской земли, на основе Великого княжества Владимирского под началом потомков Ивана Калиты. При этом, согласно едва ли не классической формуле, «образование централизованного государства включало в себя два взаимосвязанных процесса: *формирование единой государственной территории за счет объединения русских земель* и *установление реальной власти единого монарха над всей этой территорией* (курсив мой. – В.П.)...» (Российское законодательство X–XX веков, 1984: 8).

Итак, централизованное Русское государство – это государство с единой территорией, на которой власть великого князя имеет вполне реальные очертания, и к тому же унифицированное в административном и институциональном плане. Однако при анализе этой формулы сразу возникает ряд закономерных вопросов. Прежде всего, с юридической точки зрения, политическое единство Северо-Восточной Руси во второй половине XIII – первой половине XV вв. никуда и не исчезало. Ханский ярлык на великое владимирское княжение давал его обладателю неоспоримое, подкрепленное авторитетом хана и его силой, верховенство

среди прочих князей Северной Руси¹, а значит, под ханской эгидой великий владимирский князь мог полагать себя правителем всей территории, границы которой были очерчены в ярлыке. Другое дело, что характер его власти во многом определялся личностью самого обладателя ханской грамоты и расстановкой политических сил в регионе. И до тех пор, пока великий владимирский князь был «первым среди равных» не только по своему статусу, но и реальной военно-политической и финансовой мощи, более или менее жесткая «вертикаль» власти не могла быть выстроена. Любые действия великого князя могли быть оспорены его «младшей» по формальному статусу, но не по реальной силе, «братьей», которая к тому же могла апеллировать к хану как высшему арбитру – достаточно вспомнить историю взаимоотношений Михаила Ярославича Тверского и Юрия Даниловича Московского². Потому-то речь шла не о «формировании единой государственной территории», а об усилении позиций великого владимирского князя, достижении им безусловного доминирования над своей «братьей» и молчаливого признания ею нового положения дел.

Достичь этого безусловного доминирования обладатель ярлыка на великое владимирское княжение фактически мог только одним путем – нарастить размеры своего «домена», свой «отчины» до таких размеров, что она гарантировала бы ему такой ресурсный потенциал, который заведомо превосходил бы возможности если не всей, то, во всяком случае, наиболее влиятельной части удельной княжеской «братьи». Имея больше людей, больше хлеба и больше денег, владелец ярлыка с большим успехом, чем его конкуренты, мог участвовать в интригах при ханском дворе и рассчитывать на то, что его младшая «братья» будет куда более как «отзывчива» к его

предложениям, чем в прежние времена. История образования Русского государства, начиная со времен Ивана Калиты и до Василия II, как раз и есть путь такого усиления московских князей, поначалу даже не «первых среди равных», через увеличение свой «отчины». Изменение их титулатуры, в особенности второй ее части, «владетельной», отражает этапы этого долгого, растянувшегося на много десятилетий пути. «Титул наших государей так же обширен, – писал А.Б. Лакиер, – как обширна Россия в географическом отношении, так же разнообразен в своих составных частях, как разнообразны те страны, из которых составилась современная Россия...» (Лакиер, 1847: 82).

Но, говоря о территории, находившейся под властью великого князя, неизбежно возникает вопрос о том, насколько реально была его власть, насколько эффективно он мог управлять ею и насколько велика была степень административной и институциональной «унификации» земель, разными путями присоединенных к Москве в эту эпоху? И ответ на этот вопрос вовсе не так однозначен. Начнем с того, что почти четверть века назад А.А. Смирнов по этому поводу писал, что сам по себе термин «Русское централизованное государство» не самый удачный для определения сущности нового государственного образования. Не в последнюю очередь это связано с тем, продолжал он, что Русское государство при Иване III, да и при его преемниках, Василии III и Иване IV (в меньшей степени) было «недоцентрализованным». «Военная централизация была достигнута гораздо раньше, – развивал свою мысль исследователь, – чем политическая или экономическая». Как следствие, объединив под своей властью военные ресурсы всего государства, Иван III³, его сын и внук надолго сохранили элементы прежней удельной системы в виде уделов, которые сохранялись

¹ См., напр.: (Филошкин, 2006: 47-48).

² См., напр.: (Горский, 2004: 232-237).

³ О военной централизации см.: (Алексеев, 2007: 432-435).

еще в 60-х гг. XVI в. и даже дольше, если брать в расчет Касимовское «царство»⁴.

Сохранение уделов, по мнению историка, выступает, пожалуй, главным признаком пресловутой «недоцентрализованности» Русского государства, созданного трудами нескольких поколений московских Калитичей. В этом есть резон, и немалый. Сравним выдержки из разновременных докончаний между великими князьями московскими и их «младшей братьей», князьями удельными. Одна из них гласит: «И чем мя, брате, благословил отец мой, князь велики Василеи Васильевич, своею отчиною, великим княжением в Москве, и Коломною с волостми, и всем великим княжением, и что есм себе промыслим, и тебе того всего того подо мною, под великим князем, и под моим сыном, под великим князем, и под меньшими моими детми блюсти, и не обидети, и не вступатися <...> А чем, брате, тебя благословил отец мой, князь велики, <...> в вотчину и в удел, и того всего мне, великому князю, и моему сыну, великому князю, под тобою блюсти, а не обидети, и не вступатися, и моим детем под твоими детми...». Сравним с другим докончаньем: «А чем меня, брате, благословил отец наш, князь великии Иван Васильевич всеа Русии, своею отчиною Москвою и всеми велики княжствы <...> и иные места, или что себе вперед примыслим, и тебе того подо мною, под великим князем, и под моим сыном Иваном, и под нашими детми блюсти и не обидети, ни вступатися ни во что... А чем, брате, благословил тебя отец наш, князь великии, в Москве, и что отец наш, князь великии, благословил тебя города и волостми, и мне, великому князю, и моему сыну Ивану, и нашим детем того всего по тому, как отец наш, князь велики, тебе на своей духовной грамоте написал, под тобою и под твоими детми блюсти, и не обидети, ни вступатися...» (Духовные и договорные грамоты... 1950: 269, 416).

Ключевые слова в обеих грамотах – «блюсти, и не обидети, ни вступатися».

Великий князь признает суверенное право удельного князя распоряжаться в своем уделе и обязуется не вмешиваться в его действия, равно как и удельные князья обязуются делать то же самое по отношению к «отчине» своего «старшего брата». Сфера юрисдикции и полномочия великого князя и его контрагента-удельного князя, таким образом, четко разграничиваются. А ведь две этих грамоты разделяют ровно полвека: одна датируется 1481 г., а другая – 1531 г. И это о Василии III писал имперский дипломат С. Герберштейн (имея в виду прежде всего именно удельных князей), что великий князь обладает такой властью над своими подданными, какой не имеет никто из других его современников-монархов, и что «всех одинаково гнетет он [жестоким] рабством» до такой степени, что даже их, русских, «хлебы, имеющие вид лошадиного хомута, знаменуют, по моему мнению, для всех, их вкушающих, тяжкое иго и вечное рабство...!» (Герберштейн, 2008: 89, 559).

Конечно, можно привести примеры, когда великий князь нарушал закрепленные на харатье договорности, как это было, к примеру, в 1479-1480 гг. Тогда Иван III дал ход челобитной лучан, пожаловавшихся ему на беззакония, творимые великокняжеским наместником князем И.В. Лыко Оболенским. И «суди его (наместника. – В.П.) с ними (лучанами. – В.П.), иное же на нем дотягались, – писал неизвестный русский книжник, сочувствуя князю, – и он обратню в продажах платил, а иное князь велики безсудно велел платити им...». Обиженный князь («разве пану не вольно наказывать подданных своих, не только тюрьмою или другим каким-нибудь наказанием, но даже и смертию?» (Иванишев, 1849: 226, 228)), не мога терпети того да отъехал от великого князя к брату его к князю Борису на Волон Ламский». Попытка посланного великим князем окольничего Ю.И. Кутузова Шестака арестовать беглеца на дворе удельного князя не увенчалась успехом –

⁴ См.: (Смирнов, 1994: 35, 37-38).

князь Борис воспрепятствовал ему, заявив: «Кому до него дело, ино на него суд да исправа». Упорный и настойчивый в достижении своей цели Иван III все же добился своего. Однако его действия в отношении опального привели к тому, что Борис Волоцкий, возмущенный самоуправством Ивана, отписал своему брату Андрею Углицкому, что де старший брат «духовные отца своего забыл, как написал, по чему им жити, ни докончания, что на чем кончали после отца своего» (а в докончании 1473 г. между Иваном и Борисом звучали те же стандартные формулировки относительно «блюсти, и не обидети, и не вступатися» (Духовные и договорные грамоты... 1950: 228, 229)), и подбил его на выступление против великого князя (ПСРЛ⁵. Т. VI, 2001: стб. 287-288).

И ведь с формальной, юридической точки зрения Борис Волоцкий был абсолютно прав (на что совершенно справедливо указано, к примеру, у (Алексеев, 1989: 33)) – великий князь действительно нарушил подписанный им же самим договор и закрепленные докончаньем суверенные права удельного князя. А в своем уделе тот же Борис или его братья были полновластными хозяевами – такими же, каким был в своих владениях сам великий князь. Они не только вершили суд и расправу, но и выдавали кормленные грамоты, жаловали освобождением от повинностей, раздавали поместья и пр.⁶

Любопытное наблюдение сделал в этой связи М.М. Бенцианов. Историк писал, что «получая уделы, они (удельные князья. – В.П.) стремились воплотить в жизнь примерно те же самые политические идеи, которые в это время ставились в основу государственных реформ уже на более высоком уровне», так как, воспитанные при московском дворе, впитали в себя существовавшие там политические традиции

(Бенцианов, 2008: 505). Принимая этот тезис, все же мы не согласимся с тем, что царившие при московском великокняжеском дворе во второй половине XV или в первой половине XVI в. традиции (sic-!) носили, условно говоря, «централизаторский» характер. Урезая явочным порядком полномочия удельных князей и ликвидируя уделы, Иван III и его преемники, с одной стороны, действовали в духе старой традиции, выраженной еще тверским князем Борисом Александровичем в его докончании с великим князем литовским Витовтом в 1427 г.: «А дядям моим, и братьи моеи, и племени моему, князем, быти в моем послусе. Юз, князь велики Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню...» (Духовные и договорные грамоты... 1950: 62).

С другой стороны, остается вопрос относительно общего вектора политической линии Ивана III. Носила ли его (и его преемников) «централизаторская» политика осознанный характер или же он действовал интуитивно, следуя за событиями и отвечая на вызовы времени? К.В. Базилевич отмечал, характеризуя политику Ивана III в конце XV в., что великий князь, «последовательно уничтожавший остатки феодально-удельной системы в своей стране, горячо поддерживал ее в пограничной литовской территории» (Базилевич, 2001: 262). М.М. Кром соглашается с этой оценкой. Анализируя причины, по которым новосильские князья, ранее служившие великим литовским князьям, перешли на сторону Ивана, он пришел к выводу, что основой этого стала «искусная политика московского государя, всячески демонстрировавшего свою заботу о сохранении порядков старины в верховских княжествах», и что эта политика, в отличие от политики великих литовских князей, «давала *как будто* (курсив мой. – В.П.) возможность удержать

⁵ ПСРЛ – принятое сокращение для названия книжной серии «Полное собрание русских летописей».

⁶ См., напр.: (Бенцианов, 2010: 55-68; Зимин, 1960: 144-150; Кобрин, 1962: 318-322; Памятники русского права, 1955: 158-160).

свою вотчину, свою удельную “самостоятельность” и княжеские права...” (Кром, 2010b: 102).

Одним словом, если следовать контексту высказываний исследователей, выходит, что Иван проявил прямо-таки иезуитское хитроумие и следовал основным принципам «макиавеллизма» до Макиавелли. Но ведь можно подойти к рассматриваемой ситуации и с другой стороны, отказавшись от послезнания и от концепции пресловутого «Русского централизованного государства». Не умножая сущностей, разве нельзя предположить, что Иван был искренним защитником «старины» (с уточнением, что защищал он и восстанавливал «старину» в том виде, как он ее понимал)? И борясь с тем же своеволием удельных князей, своей «братии», он боролся с конкретными людьми и их действиями, но не посягал на принципиальные основы «старины». В конце концов, несмотря на все проблемы в отношениях с удельными князьями, ни Василий II, ни Иван III, ни Василий III, ни даже Иван IV от самой идеи сохранения уделов не отказывались. Ликвидируются конкретные уделы, принадлежащие конкретным людям («нет человека – нет удела»), в чем-то провинившимся перед великим князем, но не сама система, которая умирает естественным путем.

Впрочем, могло ли быть иначе? Московское общество позднего Средневековья – раннего Нового времени, развивавшееся эволюционным путем, будучи обществом в основе своей аграрным, а значит, вполне традиционным, было «холодным». «Холодные» же социумы, по словам автора этой классификации К. Леви-Стросса, «желают его (неизбежный процесс, связанный с изменениями привычного образа жизни. – В.П.) игнорировать и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими “первичными” относительно своего развития (курсив мой. – В.П.)...» (Леви-Стросс, 2008: 439). Возвращаясь к тезису, высказанному М.М. Бенциановым, отметим, что, по

нашему глубокому убеждению, сам Иван III воспитывался в «холодной» среде, которая никак не могла быть носителем неких новых, «централизаторских» идей, была глубоко консервативна по своей внутренней сути, нацелена на воспроизводство привычных отношений: «Все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» (Розанов, 1904: 34). Любопытное наблюдение сделал М.М. Кром, касаясь сущности «политики» московских великих князей позднего Средневековья – раннего Нового времени. «Если понимать “политику” в аристотелевском смысле, – писал он, т. е. как стремление к высшему благу и общей пользе, то в московском летописании и других источниках XVI в. можно обнаружить русский аналог этого греческого понятия <...> и в том, и в другом случае идеалом является общее благо или польза» (Кром, 2005: 293, 294).

«Общее благо и польза» – это то, что общество ожидало от власти, от великого князя. А в чем заключались общая польза и благо? Русская книжность той эпохи дает ответ на этот вопрос. Образ идеального князя был выведен в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руского». Под пером неизвестного книжника великий князь выступал «яко отец есть миру, око слепым, нога хромым, столп и страж, и мерило известно, ко свету правя подвласныя, от вышняго промысла правление приим роду человеческому, и всяко смятение мирское исправляше...». При этом Дмитрий Иванович «князи Руския во области своеи крепляше, велможам своим тих и уветлив в наряде бываше, никого же не оскорбляше, но всех равно любляше, младых слове наказаше и всем довол подаваше, к требующим руце простираше». Своим сыновьям, наделив их уделами («раздавал есть комуждо сыном своим: и города своя, и отчину им предаст по части, на чем им княжити и жити») он наказывал: «Бояря своя любите, честь им достойную воздающе противу служения их без воля их ничто же не творите» (ПСРЛ. Т. XLIII, 2004: 148-149).

Нетрудно заметить, что в этих словах выражена целая политическая программа достижения и сохранения того самого «общего блага и пользы». Иосиф Волоцкий, развивая идеи, высказанные в «Слове», обращаясь к великому князю (Ивану III?), писал, что Господь наделил его, государя, великой властью с тем, чтобы он придерживался «твердо добраго закона правило, иссушаа крепко безакониа потоки». Более того, восклицал подвижник, «подобает же ти, благочестивый царю, всяко тщания и о благочестии имети и сущих под тобою от треволнения спасати, душевна и телесная, и душевное бо есть треволнение еретичское учение, телесное же есь треволнение – татьба и разбойничество, и хищение, и неправда, и обиды и прочаа злаа дела» (Иосиф Волоцкий, 2007: 183, 184). Потому, что, как писал старец Филофей в своем знаменитом послании Василию III, «яко вся христианския царства преидоша в конец, снидошася в твое (Русское. – В.П.) царство», и царство то есть III Рим, который стоит, а четвертому не быть, то на плечи православного государя тяжким грузом ложится особая ответственность сохранения последнего истинного христианского царства, которое «подобает тебе, государю, держати с великим опасением» (Синицына, 1998: 532).

Одним словом, от великого князя ожидали, что будет «князь добр, богобоин, жалуеть людей, правду любить» (Наставление..., 1969: 376). И мог ли великий князь не оправдать эти ожидания, если сама легитимность политической системы раннемодерной России (как, впрочем, и современных ей государств-соседей), как отмечает Н. Коллманн, покоилась не только на использовании насилия, но еще и на ожиданиях общества («политической нации», т. е. политической, военной, религиозной и экономической элиты, прежде всего. – В.П.). Ожидания же эти в основе своей имели предположение, что государство и государь, как его персонифицированное отображение, должны прислушиваться к мнению общества, беречь традицию и гарантиро-

вать безопасность и спокойствие в обществе (Kollmann, 2012: 416). И как в таких условиях великий князь мог действовать вопреки мнению и настрою «политической нации», того самого «общества», в котором он вырос и ценности которого он впитал, что называется, с молоком матери? Лишившись поддержки «политической нации», он тем самым лишался и инструментов осуществления своей «политики», «дела государева», и ставил под угрозу само существование государства.

По этой причине целенаправленная ликвидация удельной системы никак не могла входить в планы великих князей – это был бы революционный шаг, тогда как никто, ни Иван III, ни Василий III, ни даже Иван IV не были революционерами. Поэтому все великие князья, одной рукой ликвидируя уделы, другой их учреждали заново. Василий II, «зачистивший» было свою «отчину» от «згрубивших» ему удельных князей, благословил старшего сына Ивана «своею отчиною, великим княженьем», а его младших братьев – уделами: Юрия – Дмитровом «со всеми волостями», Андрея Большого – Угличем, Бориса – Волоком, Андрея Меньшого – Вологодой (Духовные и договорные грамоты... 1950: 193-194). И Иван III, несмотря на все треволнения со своими братьями, благословил сына Василия «своею отчиною, великим княженьем», а младших сыновей наделил уделами – Юрия «городом Дмитровым с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами», Дмитрия Угличем, Семена Бежецким Верхом, Андрея Вереей (Духовные и договорные грамоты... 1950: 353-361). И арест Юрия Дмитровского в декабре 1533 г., и «поимание» Андрея Старицкого в июне 1537 г. вовсе не привели к ликвидации удельной системы – князьям не повезло, они проиграли борьбу за власть и оказались в заточении. Но в 1541 г. сын Андрея Владимир получает отцовской удел, и точно так же Иван Грозный, казнив Владимира Старицкого по обвинению в заговоре, пожаловал его сына Василия уделом (Тихо-

миров, 1941: 92), хотя, казалось бы, кто тогда мог ему помешать этого не делать? Сохранение же уделов способствовало сохранению политической недоцентрализованности.

Однако продолжение существования уделов в тех или иных формах как наглядный признак *политической* «недоцентрализованности» – не более чем вершина айсберга. Происходившие по преимуществу из московского правящего дома удельные князья с их правами суверенных «отчинников» воспроизводили модель отношений в соответствии с принятой в Москве традицией. Они выступали своего рода «великими князьями» в миниатюре и, по большому счету, вся разница между ними и великими московскими князьями была лишь в размерах их уделов-«отчин» и диктуемых этими размерами политических и иных возможностях, но не в их правах. На наш взгляд, корни пресловутой «недоцентрализованности» лежали существенно глубже, и связаны они с общими особенностями формирования политических, социальных, экономических и иных институтов раннемодерных государств Европы и Средиземноморья, которые в конкретных русских условиях просматриваются еще более выпукло и наглядно. Характеризуя эти особенности, британский историк Г. Кенигсбергер в 1975 г. употребил термин «composite state», отметив, что «большинство государств раннего Нового времени представляли собой составные политические образования, в которых под властью одного правителя находилось более одной страны» (Koenigsberger, 1978: 202, 213-214). Правда, при этом он коснулся преимущественно лежащей на поверхности проблемы взаимоотношений королевской власти и представительных органов – общегосударственных «парламентов» и/или провинциальных ас-

самблей, хотя, конечно, поднятая историком проблема имеет более глубокие корни, на что, впрочем, он и сам намекал⁷.

Развивая идею, высказанную Г. Кенигсбергером, британский же историк Дж. Эллиотт отмечал, что составной⁸ характер внутреннего устройства государств раннего Нового времени имел определенные преимущества как для центральной власти, так и для конкретной «земли», в особенности ее элиты. Гарантируя сохранение традиционных порядков, центральная власть тем самым смягчала возможные негативные последствия перехода той или иной «земли» под иную юрисдикцию и добивалась лояльности со стороны местных элит (Elliott, 1992: 53-54). Последние с трудом осваивались с мыслью о том, что у них теперь новый суверен (в этом плане весьма показательными могут служить новгородский казус при Иване III и смоленский при Василии III). Поэтому гарантии сохранения прежнего социального и имущественного статуса вкупе с некими представительными институтами со стороны новой власти были совсем не лишними (Elliott, 1992: 54).

Анализируя особенности развития раннемодерных государств Европы, Дж. Эллиотт сделал любопытное наблюдение. В Западной Европе этого времени королевская власть, столкнувшись с проблемой «переваривания» вновь приобретенных территорий, нашла оригинальный выход из ситуации, когда социум не приветствовал новшеств, тем более радикальных, а наладить более или менее эффективное управление было необходимо. Корона, установив и поддерживая постоянный военный контроль над взятыми под свою руку землями⁹, *надстраивала* над сохраняющимися старыми, привычными властными структурами новые. При этом королевская власть активно использовала стратегию па-

⁷ См.: (Koenigsberger, 1978: 205-206).

⁸ Или «лоскутный», поскольку этот эпитет, на наш взгляд, более точно отражает реальное положение дел в раннемодерных государствах и особенности их формирования, в том числе и в России той эпохи.

⁹ Вот она, та самая военная «централизация», о которой писал в 1994 г. А.А. Смирнов! См.: (Смирнов, 1994: 35); см. также: (Алексеев, 2007: 432-435).

тронажа, чтобы заполучить и сохранить лояльность старой администрации и местных элит (Elliott, 1992: 55). Мы не случайно выделили слово «надстраивала», так как оно лучше всего характеризует одну из важнейших стратегий управления в раннемодерных «составных» государствах. Государство, не отказываясь на словах от «старинны», «надстраивало» над ней новые административные структуры¹⁰, расширяя шаг за шагом сферу своей компетенции и юрисдикции. Как отмечала Н. Коллманн, раннемодерное государство, и Русское в том числе, в первую очередь стремилось решать узкий круг задач, относимый к «делу государеву». В него входили прежде всего вопросы внешней политики, понимая под ней дипломатию и военное строительство, сбор налогов и исполнение повинностей, а также верховная юрисдикция (Kollmann, 2012: 417). «Старина» при этом сохранялась, но на более низком уровне, на уровне «дела земского», местного самоуправления¹¹.

Такая двухуровневость (по меньшей мере) управления в раннемодерных государствах не была случайностью. Та же Н. Коллманн отмечала в своем исследовании, что монархии раннего Нового времени в своей административной практике сталкивались с серьезными препятствиями на пути реализации продекларированных властных полномочий – ограниченность ресурсов, неразвитая инфраструктура, нехватка образованных и просто грамотных людей и прочее (Kollmann, 2012: 27). Русское государство в этом плане не было исключением, если не сказать больше. В силу отмеченной неоднократно разными исследователями относительной бедности Русского государства (обусловленной аграрным и в значительной степени архаичным характером его экономики) Москва не могла позволить себе роскошь иметь разветвленный бюрократический аппарат на

всех уровнях¹². Как следствие, власть, стремясь наладить эффективное управление прирастающими год от года землями, не имела иного выхода, как сохраняя «старину», вырабатывать при этом стратегии, позволяющие наладить взаимодействие «дела государева» и «дела земского». Суть этой стратегии, судя по всему, заключалась в том, что, как полагал В.В. Бовыкин, центральная власть, передавая на места практическую сторону управления, оставляла за собой «право изменять правила игры в любое время и возможность практически реализовывать это право – руководящие и контролирующие функции, чем и должна обладать центральная власть...» (Бовыкин, 2015: 185). В частности, в случае с судебно-правовой сферой эта особенность выглядела как сохранение старых, привычных местных правовых обычаев и традиций, зачастую неписаных, но посредством государевых жалованных, уставных и иных грамот, обретавших легитимный статус, над которыми «надстраивался» новый порядок в виде насаждаемых великокняжеской властью общих для всего государства судебно-процессуальных норм. Посылая в волость своего кормленщика, великий князь снабжал его соответствующей грамотой, в которой четко и недвусмысленно было прописано: «И вы, все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего (курсив мой. – В.П.)...» (Памятники русского права, 1955: 156).

Фразу из формуляра кормленной грамоты «блюдет, и ведает, и ходит по старой пошлине, как было преже сего» нельзя толковать иначе, как указание на то, что судопроизводство в подвластной кормленщику волости должно было вершиться на основе «старинны», и эта «старина» отражала местные, складывавшиеся веками обычаи и традиции. Любопытно в этой связи наблюдение В.В. Бовыкина. Историк отмечал, что

¹⁰ См., напр.: (Кром, 2010а: 440-453).

¹¹ О разделении «дела государева» и «дела земского» см., напр.: (Послания Ивана Грозного,

2005: 143, 153, 156).

¹² См.: (Милов, 2004: 417, 563; Кром, 2010а: 374-375; Kollmann, 2012: 8, 38, 47, 52, 535-536).

«ни в одной губной грамоте мы не увидим сколько-нибудь внятных инструкций, которым должны были следовать многочисленные адресаты <...> Законодателю, по-видимому, совершенно нечего было сказать по этому поводу, и он всю организационную, прикладную и практическую часть дела отдал на откуп местной инициативе...» (Бовыкин, 2015: 184-185).

Этот феномен можно объяснить двояко. С одной стороны, перефразируя известное выражение, – кормленщики приходят и уходят, а «земля» с ее «старинной» остается. В самом деле, «земские» административные и судебные практики складывались на протяжении веков, косвенным подтверждением чего могут служить стандартные обороты в формулярах тех же кормленных грамот. Так было при Иване Калите, который вместе с новгородским посадником, тысяцким и «всем Новагородом» жаловал некоего Михаила «Печерской стороной», наказывая тамошним обитателям, что их де «ведает Михаило по пошине, како то было при моих дядях и при моем брате при старейшем» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949: 143). Точно так же внук Ивана Калиты Дмитрий Иванович спустя полвека сообщал жителям Печоры, что он пожаловал Андрея Фрязина Печорой «как было за его дядею за Матфеем за Фрязином» с тем, чтобы печеряне его слушали и почитали, а он, Андрей, их, печерян, «блюл» бы и «ходил» бы у них «по пошине, как было при моем деде при князи при великом при Иване, и при моем дяде при князи при великом при Семене, и при моем отци при князи при великом при Иване, так и при мне» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949: 143-144). И Василий II жалует боярина Илью Борисовича кормлением на тех же условиях – «ведать» «по старой пошине, как было преж сего» (Акты служилых землевладельцев, 1997: 57). И потом, при Иване III, Василии III и Иване IV формуляр грамот остается прежним – местным жителям, «детям боярским, и слугам, и всем людям тое волости» предписывалось слушать и чтить кормленщика,

он же должен был их блюсти, ведать и ходить у них «по старой пошине, как было преже сего» (Акты служилых землевладельцев, 1997: 40-41, 43, 47, 48, 50, 53, 59, 106, 110, 169, 180, 236, 238, 282, 289, 300). При этом и удельные князья раздают кормленные грамоты, используя те же выражения, что и великий князь (Акты служилых землевладельцев, 1997: 60, 61, 84).

С другой стороны, центральная власть не стремилась поменять устоявшийся веками порядок уже по той простой причине, что какой смысл вмешиваться в работу механизма, который и так работает достаточно исправно, предоставляя власти необходимые ресурсы для вершения «дела государева» и поддерживая приемлемый порядок на местах. К тому же у власти не хватало соответствующего административного ресурса, равно как и ресурса кадрового, финансового и материального, для установления плотного контроля за «делом земским». Без привлечения «земли» к управлению «делом земским» было не обойтись. Из формуляра тех же кормленных грамот прямо следует, что кормленщик, будучи неосведомленным в особенностях местных правовых обычаев и административных практик, неизбежно должен был сотрудничать с местными «лутчими людми». Верховная власть, заинтересованная в лояльности «земли» и исполнении ею своих обязанностей перед «делом государевым», законодательно закрепляла эту практику. Так, к примеру, в Белозерской уставной грамоте на этот счет есть недвусмысленное указание: «А наместником нашим и их тиуном без сотцково и без добрых людеи и не судити суд (курсив мой. – В.П.)» (Российское законодательство X–XX веков, 1984: 195).

Отсюда возникает вопрос о едином общегосударственном законодательстве как одном из важнейших признаков Русского централизованного государства. По традиции считается, что единое юридическое поле в масштабах всего Русского государства складывается еще в конце XV в. с принятием знаменитого Судебника 1497 г.

Эта традиция была продолжена внуком Ивана III Иваном Грозным, который спустя полвека с небольшим одобрил новый Судебник. Как итог, описывая порядки, установленные в Русском государстве Иваном IV, немецкий авантюрист Г. Штаден сообщал своим читателям: «Нынешний великий князь все же добился того, так как по всей Русской земле, то есть под его державой, единая вера, единый вес, единая мера, что он один и правит, что все, что он велит, должно свершиться, а от всего, что он запретит, следует отказаться» (Штаден, 2007: 203, 205).

Перефразируя фразу Штадена, можно сказать, что при Иване IV в Русской земле установился порядок, при котором для всей страны действовал «один закон, одна вера, одна мера». Но так ли это? Мы считаем, что такое представление достаточно далеко отстоит от реального положения дел. Начнем с того, что под вопросом стоит реальная действенность обоих Судебников как основополагающих правовых актов, лежащих в основе единого правового поля. И дело даже не в том, что при отсутствии достаточного количества экземпляров Судебника его влияние на развитие правовой системы Русского государства было весьма и весьма ограничено¹³. В этой связи представляется заслуживающим внимания тезис, выдвинутый Н. Коллманн. Изучая особенности русского судопроизводства в раннем Новом времени, она пришла к выводу, что ранне-модерное московское законодательство носило *ярко выраженный прикладной характер* и было ориентировано в первую очередь на *установление единых судебных процедур и соответствующий контроль за действиями должностных лиц* (курсив мой. – В.П.)¹⁴. При этом государство, оставляя за собой право вмешаться в ход судебного процесса на любом его этапе, не слиш-

ком торопилось воспользоваться этим ресурсом, предоставляя местным властям широкую автономию в этих вопросах (Kollmann, 2912: 23, 24). Но при таком раскладе неизбежным становилось формирование особых отношений между властью и «землей». Характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во второй половине XV в. (впрочем, и впоследствии ситуация не изменилась радикальным образом), академик Н.Н. Покровский писал в предисловии к исследованию Ю.Г. Алексеева: «Власть эта (московских великих князей в лице Ивана III. – В.П.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности¹⁵. Но это автоматически означало *серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны* (курсив мой. – В.П.)...» (Алексеев, 1991: 5-6).

Эту роль «земли» в отношениях с властью, на наш взгляд, можно охарактеризовать как партнерство в деле управления государством. «Земля» выступала в системе политических отношений в качестве субъекта права, партнера, пусть и младшего, ведомого, однако обладающего в отношениях с верховной властью широкой внутренней автономией и определенными властными полномочиями, не говоря уже о развитом чувстве собственной значимости. На это недвусмысленно указывает такой, казалось

¹³ Судебник Ивана III сохранился в единственной рукописи (Памятники русского права, 1955: 341), а Судебник Ивана Грозного дошел до наших дней менее чем в полусотне списков (Памятники

русского права, 1956: 232).

¹⁴ Ср.: (Памятники русского права, 1953: 88-89).

¹⁵ То есть крестьянские и городские «общины»-миры, дворянские корпорации-«города» и пр.

бы, апологет абсолютизма, как Иван Грозный, в своем послании шведскому королю Юхану III¹⁶. Анализируя актовые материалы, нетрудно заметить, что «младший партнер» активно использовал свое право на сохранение «старины» – вплоть до оспаривания явочным порядком решений, принятых верховной властью, если эти решения, по мнению «земских» администраторов (сотских, десятских и иных¹⁷), нарушали привычный обычай, почитаемый как справедливый и законный¹⁸.

Партнерский (в определенном смысле) характер взаимоотношений власти и «земли» позволяет усомниться в устоявшейся традиции изображать Московию как деспотию¹⁹. Так же сомнительным выглядит и противопоставление раннемодерной России раннемодерной же Франции в неоднократно упоминавшемся нами прежде исследовании Н. Коллманн. Исследователь отмечала, что в последней юридическое разнообразие (включая сюда не только правовые, но и судебные институты) оставляло за местными сообществами и провинциальными элитами больше возможностей противостоять давлению короны, нежели в России, но мы с этим не согласны. Французский абсолютизм, писала она, был построен на компромиссе между интересами королевской власти, провинциального нобилитета, гильдий, городских муниципалитетов и прочих местных сообществ с присущей им языковой, правовой и иной культурой и различиями (Kollmann, 2012: 19). При этом, по мнению британского историка Н. Хеншелла, французские короли правили отнюдь не национальным государством, подданные которого не обладали сколько-нибудь развитым национальным самосознанием, оставаясь преданными прежде всего своей «земле», городу, религии, классу, семье, господину и уж потом королю (Henshall, 1992: 8). Но разве все эти характеристики не приложимы (с поправками на

местный колорит) к раннемодерной России? Можно ли считать, что Московия была государством, подданные которого в массе своей обладали развитым национальным чувством и самосознанием? Нет. Разве здесь механизм функционирования государства не строился на компромиссе между интересом государственным, династическим и интересами местных сообществ? Да. Разве здесь, в России раннего Нового времени, не было того же юридического разнообразия, лишь частично нивелируемого за счет внедрения единых бюрократических и процессуальных процедур? Безусловно. Ведь сам партнерский статус местных сообществ, характер выстраиваемых как «сверху», со стороны Москвы, так и «снизу», со стороны «земли», отношений предполагал сохранение «старины», тем более что власть, заинтересованная в лояльности, брала под защиту местные «вольности», оберегая их своим авторитетом и силой от чрезмерных поборов и претензий наместников и волостелей: «А мои, царя и великого князя, селчане и наместников и волостелей наши люди к тем монастырским людям на пиры и на братчины незваны не ходят. А хто к ним придет на пир и на братчины незван, и они того вышлют вон безпенно. А хто у них учнет пити силно, а учинитца у них в ту пору гибель, и тому платити та гибель вдвое без суда и без исправы» (Кобрин, 1962: 319).

Сохранение и воспроизводство «старины» на местах означало неизбежное сохранение политической, административной и юридической «лоскутности», которая проявлялось в самых различных формах. В этой связи стоит привести весьма любопытный пример. Взяв в феврале 1563 г. Полоцк, Иван Грозный наказывал назначенным в город воеводам, что те должны «управа давати литовским людям, шляхтам и бурьмистром и земским людям и земляном, бояром и воеводом, розпрося про здешние

¹⁶ См.: (Послания Ивана Грозного, 2005: 155, 156).

¹⁷ О них см., напр.: (Кучкин, 2008: 270-425).

¹⁸ См., напр.: (Акты социально-экономической

истории... 1952: 116-117).

¹⁹ См., напр.: (Пое, 2002: 473-486).

всякие обиходы, как у них в обычи ведутца, да с их обычае сперва и судити и управы им в городе давати». При этом воеводам надлежало выбрать «головы добрые из дворян, кому мочно верити», которые и должны были в судебной избе вершить правосудие. «А записывати у них дьяком земским, выбрав из земских людей из полочан человека два», и вдобавок к ним «в суде быти с ними бурмистром...» (Баранов, 2004: 145-146). Из этой цитаты из государева наказа четко и недвусмысленно следует, что Иван не собирался вводить в Полоцке московские порядки и законы, напротив, судопроизводство должно было осуществляться на основании местных законов и обычаев, то есть пресловутого «магдебургского» права, которое в свое время было пожаловано великими князьями литовским Полоцку, и с активным участием местных «лутчих людей».

Ликвидация уделов отнюдь не ликвидировала проблему «лоскутности», а значит, административная, юридическая и всякая иная «недоцентрализованность», основанная на местной «старине», утратив самый верхний слой, продолжала существовать и, что важнее всего, воспроизводиться на нижнем, более мощном, фундаментальном уровне.

Центральная власть, похоже, осознавала это, исподволь используя все возможности, наступая на местные «старины». Ведь великий князь *гарантировал соблюдение «старин» в обмен на лояльность и службу* (курсив мой. – В.П.), и никак иначе: «Мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете...» (ПСРЛ. Т. XXV, 2004: 285). Нарушение же договора неизбежно влекло за собою санкции со стороны великого князя и, по меньшей мере, пересмотр «старин», если не полную (насколько это было возможно) ее ликвидацию. Именно это и произошло, к примеру, в том же Смоленске осенью 1514 г.

Но и при формальном сохранении «старин» у власти оставались в руках инструменты, позволявшие расширить сферу своей компетенции и юрисдикции. Так, пресловутые «реформы» так называемой «Избранной Рады», по нашему мнению, можно и нужно рассматривать как очередной и важный этап сближения и в определенном смысле унификации административных и судебных практик как в центре, в самой Москве (через организационное оформление приказной системы и бюрократизацию «дела государева»), так и на местах, на «земле». Примечательна в этом свете формулировка В.А. Аракчеева, который отмечал, что в ходе этих «реформ» «процесс самоуправления в волостях и посадах был бюрократизирован и документирован, что свидетельствовало о *начинавшемся переходе к современной системе управления* (курсив мой. – В.П.)» (Аракчеев, 2014: 395). Отмеченное исследователем «проникновение государственного аппарата в толщу земских миров, чьи усилия по организации были бюрократизированы и поставлены под контроль и отчет» (Аракчеев, 2014: 412), в конечном итоге должно было привести (и привело с течением времени) к постепенной унификации и выстраиванию единых для всей территории государства административных (и судебных) институтов и практик (с упором на последнее), не говоря уже об иных аспектах централизации. Другое дело, что этот процесс в силу как объективных, так и субъективных причин был чрезвычайно медленным и нелинейным и растянулся не на одно столетие.

Как итог, в раннем Новом времени Русское государство представляло собой государство «лоскутное», «сшитое» на скорую руку (практически при жизни одного поколения) из территорий с разным уровнем экономического, политического и культурно-религиозного развития, со своеобразными местными обычаями и традициями («стариной», «пошлиной»). Не имея возможности ускорить процесс слияния

этих разнородных элементов в единое целое, власть была вынуждена мириться со «старинной», используя различные стратегии для «встраивания» ее в формирующий постепенно, эволюционным путем, государственный механизм. И этот эволюционный путь неизбежно вел к продлению существования и самой «старинности», и тесно связанной с ней «лоскутности», а, значит, и «недоцентрализованности».

Литература

Акты служилых землевладельцев. Т. I. М.: Археографический центр, 1997. 431 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: В 3 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 803 с.

Алексеев, Ю.Г. Государь вся Русь. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

Алексеев, Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.

Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 464 с.

Аракчеев, В.А. Власть и земля. Правительственная политика в отношении сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

Базилевич, К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Территория, 2001. 544 с.

Баранов, К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 119-154.

Бенцианов, М.М. Служилые люди Юрия Дмитровского. Поместная политика // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 55-68.

Бенцианов, М.М. На удельной службе: служилые люди князя Ю.И. Дмитровского // Россия и мир: панорама исторического развития: Сб. науч. ст., посвященный 70-летию исторического факультета Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург: [НПМП «Волот»], 2008. С. 505-521.

Бовыкин, В.В. Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного. СПб.: ГП ЛО «ИПК Вести», 2015. 423 с.

Герберштейн, С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Горский, А.А. Русские земли в XIII – XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 185 с.

Горский, А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

Зимин, А.А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. № 3. 1960. С. 144-150.

Иванишев, Н.Д. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. Киев: Лито-тип. Вальнер, 1849. 337 с.

Иосиф Волоцкий. Послания. СПб.: Аксион эстин, 2007. 390 с.

Кобрин, В.Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // Записки Отдела рукописей. Вып. 25. М.: Книга, 1962. С. 318-322.

Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-х – 40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с. (а)

Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: человек в истории. 2005: Время и пространство праздника. 2005. Вып. 17. С. 283-303.

Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига, 2010. 320 с. (б)

Кучкин, В.А. Десятские и сотские Древней Руси // А.А. Горский, В.А. Кучкин, П.В. Лукин, П.С. Стефанович. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 270-425.

Лакиер, А.Б. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. Часть LVI. 1847. С. 81-108.

Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль // К. Леви-Стросс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143-485.

Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.

Наставление тверского епископа Семена // Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Художественная литература, 1969. С. 376-377.

Памятники русского права. Т. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.

Памятники русского права. Т. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.

Памятники русского права. Т. IV. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. М.: Госюриздат, 1956. 632 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2: Софийская вторая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. I–VIII, 240 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XLIII: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 715 с.

Розанов, С.П. Материалы по истории русских пчел. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIV. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1904. 128 с.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1984. 519 с.

Синицына, Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.

Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // Родина. № 9. 1994. С. 34-38.

Тихомиров, М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 84-94.

Филошкин, А.И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5-20.

Филошкин, А.И. Титулы русских государей. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

Штаден, Г. Записки о Московии. Т. I. М.: Древлехранилище, 2008. 582 с.

Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. No. 137 (November). The Cultural and Political Construction of Europe. Pp. 48-71.

Henshall, N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London; New York: Longman, 1992. 245 p.

Koenigsberger, H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern: Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. No. 2 (March). Pp. 191-217.

Kollmann, N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Poe, M. The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No. 3. Pp. 473-486.

References

Akty sluzhilykh zemlevladeltsev. T. I (1997) [Acts of service landowners. Vol. I]. Arkheograficheskiy centr, Moscow, Russia (in Russ.).

Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.: V 3 t. T. I (1952) [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Rus at the end of the 14th – beginning of the 16th century], Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (1989), *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga* [Liberation of Rus from the Horde yoke], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [The Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, Ryssia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (2007), *Pokhody russkikh voysk pri Ivane III* [Campaigns of Russian troops under Ivan III], St. Petersburg State University Publishing House, St. Petersburg, Ryssia (in Russ.).

Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast i zemlya. Pravitelstvennaya politika v otnoshenii sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and land. Government policy towards estates in Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries], Drevlekhranilische, Moscow, Russia (in Russ.).

Baranov, K. V. (2004), "Note book of the Polotsk campaign of 1562/63", *Russkiy diplomatariy. Vyp. 10* [Russain diplomatarium. Iss. 10], Drevlekhranilische, Moscow, Russia, 119-154 (in Russ.).

Bazilevich, K. V. (2001), *Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka* [Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the 15th century], Territoriya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bentsianov, M. M. (2008), "In specific service: service people of Prince Yu. I. Dmitrovsky", *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya*: [Russia and the world: a panorama of historical development], NPMP "Volot" Publ., Ekaterinburg, Russia, 505-521 (in Russ.).

Bentsianov, M. M. (2010), "Service people of Yuri Dmitrovsky. Local politics", *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (41), 55-68 (in Russ.).

Bovykin, V. V. (2015), *Ocherki po istorii mestnogo samoupravleniya epokhi Ivana Groznogo* [Essays on the history of local self-government in the era of Ivan the Terrible], Publishing and Printing Complex "Vesti", St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. (1950) [Testament and contractual letters of the great and specific princes of the 14th–16th centuries], Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, USSR (in Russ.).

Elliott, J. H. (1992), "A Europe of Composite Monarchies", *Past & Present*, 137: The Cultural and Political Construction of Europe (November), 48-71.

Filyushkin, A. I. (2006), *Tituly russkix gosudarey* [Titles of Russian sovereigns], Alyans-Arkhoe, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Filyushkin, A. I. (2009), "Moscow neonatal empire: on the question of the categories of political practice", *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2, 5-20 (in Russ.).

Gerbershteyn, S. (2008), *Zapiski o Moskovii. T. I* [Notes on Muscovy], Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia (in Russ.).

Gorskiy, A. A. (2004), *Rus: ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva* [Rus: from the Slavic Settlement to the Muscovy], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Gorskiy, A. A. (2016), *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiya* [Russian

lands in the 13th–14th centuries: ways of political devel], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova (1949) [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, USSR (in Russ.).

Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London, New York.

Iosif, Voloczkiy (2007), *Poslaniya* [Messages], Aksion estin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Ivanishev, N. D. (1849), *Zhizn knyazya Andreya Mikhaylovicha Kurbskogo v Litve i na Volyni. T. II* [The life of Prince Andrey Mikhailovich Kurbsky in Lithuania and Volhynia. Vol. II.], Lito-printing house Valner, Kiev, Russia (in Russ.).

Kobrin, V. B. (1962), "Two charters granted to the Monster Monastery (XVI century.)", *Zapiski otдела rukopisey. Vyp. 25*. [Notes of the Department of manuscripts. Iss. 25], Kniga, Moscow, Russia, 318-322 (in Russ.).

Koenigsberger, H. G. (1978), "Monarchies and Parliaments in Early Modern: Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale", *Theory and Society*, 5 (2), 191-217.

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.

Krom, M. M. (2005), "Towards an understanding of Moscow politics of the 16th century: discourse and practice of the Russian late medieval monarchy", *Odysseus: a man in history. 2005: Time and space of a holiday*. Iss. 17, 283-303 (in Russ.).

Krom, M. M. (2010a), "Vdovstvuyushee tsarstvo": politicheskiy krizis v Rossii 30-kh – 40-kh godov XVI veka ["The Dowager Kingdom": the political crisis in Russia in the 30s–40s of the 16th century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia (in Russ.).

Krom, M. M. (2010b), *Mezh Rusyu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Border lands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th – the first third of the 16th century], Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Kuchkin, V. A. (2008), "Foremtn and centuries in Ancient Rus", in: Gorskiy, A. A., Kuchkin, V. A., Lukin, P. V. and Stefanovich, P. S. *Drevnyaya Rus. Ocherki politicheskogo i sotsialnogo stroya* [Ancient Rus. Essays

on the political and social system], Publ. Indrik, Moscow, Russia, 270-425 (in Russ.).

Lakier, A. B. (1847), "The history of the title of sovereigns of Russia", *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya* [Journal of the Ministry of National Education], Ch. LVI, 81-108 (in Russ.).

Levi-Stross, K. (2008), "La Pensée sauvage", in: Levi Stross, K. *Totemizm segodnya. Nepriuruchennaya mysl* [Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage], Akademicheskii proekt, Mpscow, Russia, 143-485 (in Russ.).

Milov, L. V. (2001), *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsesssa* [Great Russian plowman and features of the Russian historical process], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. T. II. Pamyatniki prava feodalno-razdroblyennoy Rusi XII–XV vv. (1953) [Monuments of Russian law. Vol. II. Monuments of law of feudal-fragmented Rus of the 12th–15th centuries], Gosyurizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. T. III. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. (1955) [Monuments of Russian law. Vol. III. Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state of the 14th–15th centuries], Gosyurizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. T. IV. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XV–XVII vv. (1956) [Monuments of Russian law. Vol. IV. Monuments of law of the period of strengthening the Russian centralized state. 15th–17th centuries], Gosyurizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Poe, M. (2002), "The Truth about Muscovy", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3 (3), 473-486.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. VI: Sofiyskaya vtoraya letopis Vyp. 2 (2000) [Complete collection of Russian chronicles. Vol. VI. Iss. 2. Sofia Second Chronicle], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XLIII. Novgorodskaya letopis po spisku P. P. Dubrovskogo (2004) [Complete collection of Russian chronicles. Vol. XLIII: Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XXV: Moskovskiy letopisny svod kontsa XV veka (2004)

[Complete collection of Russian chronicles. Vol. XXV: Moscow Chronicle of the end of the 15th century], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Poslaniya Ivana Groznogo (2005) [Messages of Ivan the Terrible], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 2. Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (1984) [Russian legislation of the 10th–20th centuries. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Rozanov, S. P. (1904), *Materialy po istorii russkikh pchel. Pamyatniki drevney pismennosti i iskusstva. Vyp. CLIV* [Materials on the history of Russian Bees. Monuments of ancient writing and art. Iss. CLIV], Obschestvo lyubiteley drevney pismennosti, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shtaden, G. (2008), *Zapiski o Moskovii. T. I* [Notes on Muscovy. Vol. 1], Drevlekhranilische, Moscow, Russia (in Russ.).

"Simons of the Bishop of Tfersky message" (1969), *Izbornik. Sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi* [Izbornik. Collection of works of literature of Ancient Rus], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Sinitsyna, N. V. (1998), *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Smirnov, A. A. (1994), "The State of the Fighting Nation", *Rodina* [Homeland], 9, 34-38 (in Russ.).

Tikhomirov, M. N. (1941), "Little-known chronicle monuments of the 16th century", *Istoricheskie zapiski. T. 10* [Historical notes. Vol. 10], Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR, 84-94 (in Russ.).

Zimin, A. A. (1960), "From the history of central and local government in the 16th century", *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archive], 3, 144-150 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru